



Оценка психометрических характеристик методики СОРБЦ, предназначенной для изучения ценностных ориентаций*

Игорь А. Филенко^{a, @, ID1}; Инна В. Атаманова^{a, ID2}; Сергей А. Богомаз^{a, ID3}

^a Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

@ filen5725@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0001-7072-8273>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-8101-5586>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-8955-5621>

Поступила в редакцию 12.10.2020. Принята к печати 02.11.2020.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, связанные с повышением надежности методик, предназначенных для исследования ценностных ориентаций личности. Показано, что несмотря на востребованность изучения ценностной сферы в связи с решением различных прикладных задач, используемый для этого методический арсенал нуждается в качественном совершенствовании. Цель – определение психометрических характеристик опросника «Субъективная оценка реализуемости базовых ценностей» (СОРБЦ). В исследовании использовались методики СОРБЦ и Портретный опросник ценностей, пересмотренный Ш. Шварцем (PVQ-R). Статистическая обработка данных проводилась с применением факторного, корреляционного анализа, анализа надежности, критерия Колмогорова-Смирнова, U-критерия Манна-Уитни. На основе анализа результатов, полученных на выборке 1415 респондентов в возрасте 17–29 лет, уточнена факторная структура методики, которая представлена четырьмя шкалами. Оценены характеристики надежности внутренней согласованности измерительных шкал, выполнена проверка их конструктивной валидности, определены описательные статистики для основных показателей методики. Приведены данные, свидетельствующие о чувствительности опросника к выявлению различий по показателям ценностных ориентаций в группах мужчин и женщин. Показано, что по своим психометрическим характеристикам методика СОРБЦ является достаточно надежным измерительным средством, что позволяет расширить возможности ее использования в прикладных исследованиях, связанных с изучением ценностных ориентаций молодежи в возрастной группе 17–29 лет.

Ключевые слова: метаценности, реализуемость базисных ценностей, факторный анализ, альфа Кронбаха, надежность шкал теста, конструктивная валидность

Для цитирования: Филенко И. А., Атаманова И. В., Богомаз С. А. Оценка психометрических характеристик методики СОРБЦ, предназначенной для изучения ценностных ориентаций // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 1028–1039. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1028-1039>

Введение

Современная психология, рассматривая глубинные основания целостной личности, уделяет значительное внимание изучению ценностно-смысловой сферы человека. Характеризуя особенности самоорганизации психологических систем, В. Е. Ключко отмечает, что «ценности и смыслы и есть динамические параметры порядка в психологических системах» [1, с. 57], благодаря которым «мир человека становится пространством для реализации возможностей, выражения своей сущности, самоопределения и становления, которые сближают его с другими людьми, а вовсе не превращают в автономного изолянта» [2, с. 164]. Структурно-функциональные особенности ценностно-смысловой сферы и ее динамика представлены в работах отечественных социологов и психологов: В. А. Ядова [3]

Д. А. Леонтьева [4], М. С. Яницкого [5], А. В. Серого [6], Д. В. Каширского [7], Н. А. Журавлевой [8] и др.; и зарубежных исследователей: Г. Олпорта [9], М. Рокича [10], Г. Хофстеде и др. [11], Ш. Шварца [12], Р. Инглхарта и К. Вельцеля [13] и др.

Современные зарубежные исследования рассматривают ценностные образования человека в связи с направленностью его социального поведения (Q. Guo и др. [14]), внутренней мотивацией (S. S. Iyengar и M. R. Lepper [15]), математическими достижениями учащихся (X. Hu и др. [16]), стилями поведения в конфликтных ситуациях (M. Gunkel и др. [17]), уровнями субъективного благополучия и счастья (K. M. Sheldon и L. Krieger [18]), эффективностью профессионального обучения в организациях (S. Kim и G. N. McLean [19]), личностными ресурсами

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-013-00781а «Ценностные ориентации и психологическая система деятельности молодежи в меняющемся мире: кросс-культурный анализ».

профессионального здоровья (М. А. Leach-Lypez и Е. Р. Jack [20]), агрессивным поведением молодежи (S. Bergmuller [21]), карьерными ориентациями подрастающего поколения (М. Ismail и Н. S. Lu [22]), психологической дистанцией (В. G. Nitu и др. [23]), факторами социально-психологических взаимодействий, связанных с перераспределением доходов (С. С. Binder [24]) и другими социально-психологическими явлениями.

Отечественные исследователи уделяют внимание изучению таких вопросов, как связи ценностей с базовыми чертами личности (О. С. Алексеева и И. Е. Ржанова [25]); ценностные основания правового поведения (А. Н. Бабенко [26]); ценности, выступающие в качестве детерминант, порождающих реальный процесс самореализации и задающих его направленность и селективность (Э. В. Галажинский [27]); динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях социально-экономических изменений (Н. А. Журавлева [8]); особенности ценностей подростков с делинквентным поведением (А. В. Каширский [28]); ценности различных профессиональных групп (Н. В. Латова [29]); самосовершенствование и саморазвитие студентов в связи с особенностями их ценностного потенциала (Н. В. Назаров [30]); ценности как фактор профессиональной адаптации молодого специалиста (В. М. Петровичев [31]); ценности как основа профессионального самоопределения подростка (Н. С. Пряжников и др. [32]); ценности в контексте межэтнических отношений (А. Н. Татарко [33]); личностные ценности и психологическое благополучие старшеклассников (О. А. Тихомандрицкая и др. [34]); особенности динамики ценностных ориентаций студентов (М. С. Яницкий [35]); ценности в связи с субъективным благополучием личности (С. В. Яремчук [36]) и др.

Для адекватного проведения подобных исследований требуется надежный и валидный методический психодиагностический арсенал, удовлетворяющий современным требованиям, предъявляемым к методикам психодиагностики [37]. В связи с чем актуальной является задача разработки и психометрического анализа методик, связанных с оценкой характеристик ценностной сферы личности.

В настоящее время наиболее распространенными для изучения ценностной сферы человека являются зарубежные опросники: М. Рокича (RVS – Rokeach Value Survey) [38], Г. Хофстеде (VMS – Values Survey Module 2008) [39], Ш. Шварца (Portrait Values Questionnaire-Revised – PVQ-R) [40], Р. Инглхарт [13]; и отечественные методики: Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушиной [41], Методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С. С. Бубновой [42], Тест личностных ценностей (ТЛЦ) Л. В. Карпушиной и А. В. Капцова [43], опросник KVS-3 Д. В. Каширского [7], Методика изучения внешних и внутренних ценностей личности О. И. Моткова [44], Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И. Г. Сенина [45] и др.

Ряд методик, исследующих ценностные измерения, подтверждены психометрическими исследованиями (И. Г. Сенин [45], А. В. Капцов, Л. В. Карпушина [43], Е. Affum-Osei и др. [46] и др.). Но несмотря на давнюю традицию применения даже таких широкоизвестных методик, как ценностные измерения Г. Хофстеде, для них вновь определяется валидность и надежность (J. G. Blodgett и др. [47]) в связи со спецификой проводимых исследований, и при этом не всегда обнаруживаются ожидаемые психометрические характеристики. Следует отметить, что данные о психометрической оценке многих методик представлены неполно и фрагментарно. Некоторые из зарубежных методик подвергаются существенной трансформации при их адаптации в России. Например, методика Ш. Шварца была адаптирована в двух различных вариантах (В. Н. Карандашев [48], Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова [40]), при этом были выявлены отличия в факторной структуре опросника Ш. Шварца, полученной на российской выборке от факторной структуры оригинального опросника, что привело к необходимости вновь выявлять актуальные характеристики его надежности и валидности, а также определять нормативные значения.

В связи с этим возникает необходимость как разработки новых тестов, изучающих ценностно-смысловую сферу личности, так и оценки диагностической эффективности уже существующих методик с выявлением их психометрических показателей. Целью данного исследования является определение психометрических характеристик методики «Субъективная оценка реализуемости базовых ценностей» (СОРБЦ), предназначенной для исследования особенностей системы ценностей личности.

Методы исследования

Первоначальный вариант методики СОРБЦ, включающий 20 базисных ценностей, был разработан С. А. Богомазом в 2010 г. [49]. Он оценивал возможности реализации человеком своих ценностей в конкретной социальной среде и использовал понятие R-ценностей (вариант А). В дальнейшем в структуру методики был включен набор идеальных ценностей, I-ценностей, используемый для оценки уровня их значимости для человека (вариант Б). Данный расширенный вариант методики позволяет также выявлять дефициты ценностей, которые связаны с невозможностью реализации определенных значимых ценностей.

В основе двух вариантов лежит один тот же список ценностей: быть здоровым, чувствовать себя в безопасности, иметь благополучную семью, любить и быть любимым, быть справедливым, быть материально обеспеченным, быть уважаемым, иметь хорошую работу, достичь успехов в профессии, достичь успехов в карьере, быть уникальным и оригинальным, получить обширные знания, стать известным и знаменитым, быть примером для других, иметь власть, достичь желаемой цели, стать свободным, жить полной жизнью, найти смысл своей жизни, самоутвердиться в жизни. Но в этих вариантах различаются инструкции и структура

опросника. Выбор респондентом каждой ценности оценивается по 7-балльной шкале Лайкерта.

Исследования с расширенным вариантом методики СОРБЦ позволяют изучать особенности современной молодежи, связанные с готовностью к профессиональной деятельности, инновационным поведением, психологическим благополучием и др. [50]. Однако, данная методика пока не подвергалась психометрической оценке, в связи с чем ее диагностические возможности полностью не раскрыты. Потому в ходе настоящего исследования проводилось изучение психометрических характеристик методики СОРБЦ, в частности: выявление факторной структуры методики; определение надежности внутренней согласованности шкал; проверка конструктивной валидности методики; выявление основных статистических показателей методики, на которые можно ориентироваться при дальнейшей работе с ней.

В представленном исследовании также использовалась методика Ш. Шварца «Портретный ценностный опросник – Пересмотренный» (Portrait Values Questionnaire-Revised – PVQ-R). Методика содержит 57 утверждений, относительно каждого описания респонденты указывают, насколько похож данный человек на них самих [40].

Полученные результаты обрабатывались с помощью пакета статистических программ STATISTICA 13.3. В качестве статистических методов использовались определение первичных статистик, факторный анализ (метод главных компонент), анализ надежности, корреляционный анализ по Спирмену, U-критерий различия Манна-Уитни. Проверка нормальности распределений проводилась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова.

Характеристика выборки

В данном исследовании анализировались данные выборки, включающей 1415 человек (450 мужчин и 965 женщин) в возрасте 17–29 лет (медиана – 21 год, среднее значение возраста – $20,95 \pm 2,27$ года). В выборку были включены представители 9 городов России: Барнаул – 176 человек, Владивосток – 201 человек, Екатеринбург – 200 человек, Ишим – 71 человек, Кемерово – 100 человек, Куйбышев – 154 человека, Лесосибирск – 150 человек, Петропавловск-Камчатский – 188 человек, Томск – 175 человек. Все респонденты работали с методикой СОРБЦ, вариант Б.

Дизайн исследования

В ходе исследования решались следующие задачи:

1. Провести факторный анализ данных, полученных с помощью методики СОРБЦ, выявить возможные альтернативные модели факторной структуры.

2. Определить характеристики надежности внутренней согласованности шкал, полученных по результатам факторного анализа, для I-показателей и R-показателей.

3. Определить базовые статистические показатели шкал, соответствующих модели с лучшими характеристиками дискриминативной надежности.

4. Определить характеристики конструктивной валидности для наиболее пригодной структурной модели методики.

Реализация указанных задач проводилась в ходе нескольких этапов:

1. На первом этапе был проведен факторный анализ данных, полученных с помощью методики СОРБЦ, проанализированы различные факторные структуры, определены содержательные особенности входящих в них факторов, выявлены наиболее информативные для дальнейшего изучения модели шкалы опросника СОРБЦ.

2. На втором этапе проводился анализ синхронной надежности – согласованности шкал, соответствующих двум моделям структуры опросника.

3. На третьем этапе были определены статистические характеристики шкал опросника для наиболее приемлемой модели, выявлены различия в структуре шкальных показателей в группах мужчин и женщин.

4. На четвертом этапе определялась валидность методики СОРБЦ с использованием методики Ш. Шварца.

Результаты первого этапа исследований

Изучение факторной структуры опросника проводилось методом главных компонент (вариант нормализованный), первоначально для группы показателей I-ценностей, рассматриваемых как базовая группа показателей. Для дальнейшего анализа были выбраны две модели: 4-х (описывающая 55,5 % общей дисперсии) и 5-ти (описывающая 60,2 % общей дисперсии) факторные структуры I-показателей, обладающие наилучшими дискриминативными характеристиками. В дальнейшем они обозначены как модель 1 и модель 2.

Описание модели 1. Данная модель включает в себя 20 показателей I-ценностей. Эти ценности образуют 4 шкалы:

1 шкала (15,5 % дисперсии) включает 5 первичных показателей: достичь успехов в карьере (0,800¹), иметь хорошую работу (0,788), достичь успехов в профессии (0,744), быть материально обеспеченным (0,670), быть уважаемым (0,484) – метаценность профессиональной самореализации (МПрС). Данная метаценность характеризует степень общей профессиональной направленности личности, связанной с возможностью реализации карьерных достижений, хорошей и престижной работой, успехами в профессии, материальной обеспеченностью по результатам трудовой деятельности, значимым позитивным отношением к себе со стороны окружающих.

2 шкала (15,2 % дисперсии) включает 5 первичных показателей: стать известным и знаменитым (0,764), иметь власть (0,737), быть примером для других (0,703), получить обширные знания (0,658), быть уникальным и оригинальным (0,615) – метаценность публичной самореализации

¹ Здесь и далее в скобках указана факторная нагрузка.

(МПуС). Рассматриваемая метаценность определяется жизненными ориентациями человека на известность и знаменитость, на возможность реализации властных полномочий по отношению к другим людям, связана со стремлениями быть для других образцом и примером, получить обширные знания и реализовать свою уникальность и оригинальность.

3 шкала (12,4 % дисперсии) включает 4 первичных показателя: иметь благополучную семью (0,799), любить и быть любимым (0,784), быть здоровым (0,665), чувствовать себя в безопасности (0,503) – метаценность витальной самореализации (МВС). Данная метаценность характеризует степень осуществления витальных стремлений человека, определяемых базовыми жизненными ценностями, связанными с созданием благополучной семьи, возможностями любить и быть любимым, здоровьем и безопасностью личности.

4 шкала (12,3 % дисперсии) включает 6 первичных показателей: найти смысл своей жизни (0,683), жить полной жизнью (0,657), достичь желаемой цели (0,606), самоутвердиться в жизни (0,535), стать свободным (0,480), быть справедливым (0,400) – метаценность экзистенциальной самореализации (МЭС). Она определяется экзистенциальными стремлениями человека, заключающимися в реализации осмысленной и наполненной жизни, в достижении желаемых целей и в самоутверждении, в реализации потребности быть свободным и справедливым.

Описание модели 2. Данная модель включает в себя 20 показателей I-ценностей. Эти ценности образуют 5 шкал (три первые шкалы содержательно и по уровням дисперсии подобны первым трем шкалам модели 1):

1 шкала (15,5 % дисперсии) включает 5 первичных показателей, аналогичных модели 1.

2 шкала (15,1 % дисперсии) включает 5 первичных показателей, аналогичных модели 1.

3 шкала (12,3 % дисперсии) включает 4 первичных показателя, аналогичных модели 1.

4 шкала (10,3 % дисперсии) включает 4 первичных показателя: найти смысл своей жизни (0,686), быть справедливым (0,599), самоутвердиться в жизни (0,591), достичь желаемой цели (0,544) – метаценность осмысленности самореализации (МОС).

5 шкала (6,9 % дисперсии) включает 2 первичных показателя: стать свободным (0,803), жить полной жизнью (0,574) – метаценность полноты самореализации (МПоС).

Результаты второго этапа исследований

Оценка синхронной надежности – внутренней согласованности шкал – проводилась по критерию Кронбаха. В ходе этой задачи была проведена оценка измерительной надежности указанных выше шкал для модели 1 с использованием 20 первичных I-пунктов. Результаты данного этапа, приведенные в 3 столбце табл. 1, позволяют заключить, что все четыре I-шкалы имеют приемлемые уровни значений α -Кронбаха.

Далее для модели 1 была проведена оценка первичных R-пунктов. Как следует из табл. 1 (столбец 4), значения

Табл. 1. Исходные значения α -Кронбаха для модели 1, полученные для I- и R-показателей

Tab. 1. Base values of Cronbach alpha for subscales in model 1 with I- and R-variables

Шкала модели 1	Число пунктов	α -Кронбаха для шкал, I-показатели	α -Кронбаха для шкал, R-показатели
МПрС	5	0,835	0,686
МПуС	5	0,799	0,582
МВС	4	0,733	0,781
МЭС	6	0,704	0,750

α -Кронбаха по R-показателям для 1, 3, 4 шкал являются приемлемыми, а для 2 шкалы – низкими. Для повышения уровня надежности 2 шкалы для R-показателей были рассмотрены варианты включения в нее в качестве дополнительного пункта поочередно одного из следующих показателей: быть уважаемым, достичь желаемой цели, стать свободным, – имевших с ней умеренные нагрузки по результатам факторного анализа. Наилучшие характеристики данной шкалы (α -Кронбаха=0,632) были получены при включении в нее показателя *быть уважаемым* (табл. 2). Таким образом, данная шкала после коррекции включила 6 показателей: стать известным и знаменитым, иметь власть, быть примером для других, получить обширные знания, быть уникальным и оригинальным, быть уважаемым.

Табл. 2. Итоговые характеристики показателей α -Кронбаха для шкал модели 1, полученные по I- и R-показателям

Tab. 2. Aggregate values of Cronbach alpha for subscales in model 1 with I- and R-variables

Шкала модели 1	Число пунктов	α -Кронбаха для шкал, I-показатели	Тета-надежность	α -Кронбаха для шкал, R-показатели	Тета-надежность
МПрС	4	0,828	0,828	0,720	0,774
МПуС	6	0,807	0,808	0,632	0,639
МВС	4	0,733	0,754	0,781	0,784
МЭС	6	0,704	0,724	0,750	0,790

Для шкал I- и R-показателей модели 1 рассчитывались коэффициенты α -Кронбаха при удалении каждого пункта. Результаты данного этапа обнаружили существенное влияние только одного пункта – быть уважаемым, удаление которого приводило к возрастанию α -Кронбаха шкалы 1 (R-показатели) с 0,686 до 0,720. То есть данный пункт ухудшал показатели 1 шкалы с пятью исходными пунктами. Его удаление из 1 шкалы I-показателей практически не приводит к изменению соответствующего ей α -Кронбаха (табл. 2). Поэтому для дальнейшего анализа было решено

использовать шкалу I и для I-ценностей, и для R-ценностей с включением в нее только 4 пунктов: достичь успехов в карьере, иметь хорошую работу, достичь успехов в профессии, быть материально обеспеченным. Также в табл. 2 приведены показатели тета-надежности шкал, которые в отличие от показателя α -Кронбаха, характеризующего нижнюю границу надежности, рассматриваются в качестве верхней границы надежности [51]. Как следует из табл. 2, показатели α -Кронбаха для всех шкал опросника СОРБЦ превышают величину 0,6, которая рассматривается пороговой величиной для опросников, пригодных для исследовательских целей [52].

Аналогичная процедура оценки показателей α -Кронбаха была проведена для модели 2 (табл. 3). Первоначальные характеристики шкалы 5 являются крайне низкими, как для I-показателей, так и для R-показателей. Коррекция данной шкалы, связанная с увеличением входящих в нее пунктов от 2-х до 5-ти, может повысить значения α -Кронбаха до указанных величин, однако это ведет к высокой корреляции данной шкалы с другими шкалами, что снижает ее информационную ценность. В связи с этим статистические характеристики этой модели далее не рассматривались, а в качестве базовой далее рассматривается модель 1.

Табл. 3. Сводные характеристики показателей α -Кронбаха для шкал модели 2, включающие I- и R-показатели

Tab. 3. Aggregate values of Cronbach alpha for subscales in model 2 with I- and R-variables

Шкала модели 2		Число пунктов	α -Кронбаха для шкал, I-показатели	α -Кронбаха для шкал, R-показатели
МПрС		5	0,835	0,686
МПуС		5	0,799	0,582
МВС		4	0,733	0,781
МОС		4	0,674	0,684
МПoC	Без коррекции	2	0,476	0,195
	С коррекцией	5	0,669	0,682

Результаты третьего этапа исследований

Анализ нормальности распределений для приведенных выше шкал модели 1 проводился с использованием одновыборочно-го критерия Колмогорова-Смирнова. Было выявлено, что данные только 3-х из 8-ми шкал соответствуют нормальному распределению, в связи с чем для определения норм желательно использовать процентиля. В табл. 4 приведены описательные статистики шкал для I-ценностей и R-ценностей модели 1 – средние, медианы, нижние и верхние квартили, максимальные и минимальные значения, позволяющие определять ориентировочные нормы в исследованиях с использованием методики СОРБЦ. Данные статистические показатели представлены ниже как для всей группы респондентов, так и отдельно для групп женщин и мужчин.

Высокие значения МПрС демонстрируют люди, для которых высоко значимы карьерные достижения, кто стремится к реализации наибольших успехов в профессиональной деятельности, для кого очень важны хорошая работа, материальная обеспеченность и уважение окружающих людей. Повышенные уровни МПуС характерны для субъектов, в большой степени ориентированных на известность и знаменитость, обладание властью и знаниями, на всесторонние проявления своей уникальности и оригинальности, стремящихся стать примером для других людей. Повышенные значения МВС присущи тем, для кого жизненно важно иметь благополучную семью, ощутить себя любимым и проявлять любовь к своим близким, для кого очень существенны факторы личного здоровья и безопасности. Высокие уровни МЭС проявляют люди, стремящиеся найти смысл своей жизни, жить полной жизнью, достигать всех поставленных целей, идти по пути самоутверждения и свободного самовыражения, ориентированные на критерии справедливости в социальных взаимоотношениях.

С помощью критерия Манна-Уитни был проведен сравнительный анализ с точки зрения наличия различий в показателях шкал между группами мужчин и женщин. Поскольку в исходной выборке численность женщин и мужчин отличалась, для выполнения сравнительного анализа первоначально было проведено выравнивание выборок по численности. В исходной женской выборке с численностью

Табл. 4. Описательная статистика по I- и R-шкалам опросника СОРБЦ для всей группы респондентов (N=1415), а также для групп женщин (N=965) и мужчин (N=450)

Tab. 4. Descriptive statistics for I- and R-subscales in the SEBVR technique: base sample (N=1415), female group (N=965), and male group (N=450)

Шкала (количество пунктов)	Среднее значение	Нижний квартиль (25 %), Q1	Медиана (50 %), Q2	Верхний квартиль (75 %), Q3	Минимум	Максимум
<i>Вся группа, N=1415</i>						
МПрС R (4)	20,32	16	22	25	4	28
МПуС R (6)	28,22	24	28	33	6	42
МВС R (4)	21,83	19	23	26	4	28
МЭС R (6)	30,81	26	31	37	6	42
МПрС I (4)	24,39	22	25	28	4	28
МПуС I (6)	27,85	23	28	33	6	42

Шкала (количество пунктов)	Среднее значение	Нижний квар- тиль (25 %), Q1	Медиана (50 %), Q2	Верхний квар- тиль (75 %), Q3	Минимум	Максимум
МВС I (4)	25,67	25	27	28	4	28
МЭС I (6)	36,23	34	37	40	6	42
<i>Женщины, N=965</i>						
МПрС R (4)	20,18	17	21	25	4	28
МПуС R (6)	28,01	24	27	33	6	42
МВС R (4)	21,94	19	23	26	4	28
МЭС R (6)	30,84	26	31	37	6	42
МПрС I (4)	24,40	22	25	28	4	28
МПуС I (6)	27,61	23	28	33	6	42
МВС I (4)	26,04	25	27	28	4	28
МЭС I (6)	36,41	34	37	40	6	42
<i>Мужчины, N=450</i>						
МПрС R (4)	20,63	16	22	25	4	28
МПуС R (6)	28,68	24	29	33	6	42
МВС R (4)	21,60	19	23	26	4	28
МЭС R (6)	30,76	25	32	37	6	42
МПрС I (4)	24,38	22	25	28	4	28
МПуС I (6)	28,36	23	29	34	6	42
МВС I (4)	24,88	23	26	28	4	28
МЭС I (6)	35,83	33	37	40	6	42

965 человек методом случайного отбора были выбраны 450 женщин, которые и составили контрастную группу на данном этапе исследований. Его результаты представлены в табл. 5, в которой приведены только значения для шкал, обнаруживших статистически значимые различия.

Между группами мужчин и женщин наблюдаются значимые различия по четырем шкалам. При этом показатели женщин выше по шкалам МВС I ($p < 0,001$), МПуС R ($p < 0,05$), МЭС R ($p < 0,05$), а для мужчин наблюдаются более высокие значения по шкале МПуС I ($p < 0,05$). Таким образом, методика СОРБЦ обладает дискриминативностью по отношению выявления различий в ценностной сфере у мужчин и женщин.

Далее были изучены корреляции для всей группы респондентов (по Спирмену) отдельно между I- (табл. 6) и R-шкалами опросника (табл. 7). Корреляции для I- и R-шкал характеризуются умеренной силой связи в диапазоне 0,324–0,698 на уровне статистической значимости $p < 0,001$, что свидетельствует о гетерогенности (или об отсутствии однородности) ценностной сферы личности, т. е. сложности ее структуры.

Результаты четвертого этапа исследований

Содержательная валидность методики СОРБЦ анализировалась на начальных стадиях создания теста (С. А. Богомаз, В. В. Мацута [49]) и показала его пригодность для исследования особенностей ценностных ориентаций личности. Конструктивная валидность шкал опросника СОРБЦ подтверждена факторной валидностью, в частности результатами факторного анализа, представленными выше.

Табл. 5. Различия для групп женщин (N=450) и мужчин (N=450) по I- и R-шкалам (критерий Манна-Уитни)

Tab. 5. Comparison statistics for male (N=450) and female (N=450) groups according to I- and R-subcales in SEBVR technique (Mann-Whitney U test)

Переменные	Сум. ранг, женщины	Сум. ранг, мужчины	U	Z	p
МПуС I	193637,0	211813,0	92162,0	-2,331	0,020
МВС I	225038,5	180411,5	78936,5	5,722	0,000
МПуС R	210718,5	194731,5	93256,5	2,050	0,040
МЭС R	210962,0	194488,0	93013,0	2,112	0,035

Табл. 6. Корреляции показателей I-шкал для общей группы респондентов (N=1415)

Tab. 6. Correlation coefficients for I-subcales (N=1415)

Переменные	МПрС I	МПуС I	МВС I	МЭС I
МПрС I	1,000	0,492	0,412	0,445
МПуС I	0,492	1,000	0,324	0,537
МВС I	0,412	0,324	1,000	0,515
МЭС I	0,445	0,537	0,515	1,000

Прим.: корреляции значимы на уровне $p < 0,001$.

Табл. 7. Корреляции показателей R-шкал для общей группы респондентов (N=1415)

Tab. 7. Correlation coefficients for R-subscales (N=1415)

Переменные	МПpC R	МПyC R	MBC R	МЭC R
МПpC R	1,000	0,561	0,584	0,674
МПyC R	0,561	1,000	0,446	0,698
MBC R	0,584	0,446	1,000	0,654
МЭC R	0,674	0,698	0,654	1,000

Прим.: корреляции значимы на уровне $p < 0,001$.

Внешняя конструктивная валидность шкал опросника СОРБЦ изучалась в группе респондентов в возрасте 17–29 лет (N=346), которые работали и с методикой СОРБЦ, и с опросником ценностей PVQ-R Ш. Шварца. Теоретическим обоснованием данного этапа исследования является тот факт, что и методика СОРБЦ, и методика Ш. Шварца измеряют личностные ценности. Кроме того, методика PVQ-R имеет приемлемые психометрические

показатели и адаптирована на российской выборке [40; 48]. Соответствующие результаты корреляций для I- и R-шкал со шкалами опросника PVQ-R приведены в таблицах 8 и 9.

Существуют значимые корреляции низких и средних уровней в диапазоне от 0,115 до 0,558 между шкалами методики СОРБЦ и показателями методики PVQ-R (табл. 8, 9). При этом структура корреляций для каждой шкалы СОРБЦ имеет свою специфику, в которой отражаются ее содержательные особенности. Так, из результатов, приведенных в табл. 8, следует, что МЭС I в наибольшей степени связана с показателями *Самостоятельность – Поступки* (свобода определять собственные действия), *Самостоятельность – Мысли* (свобода развивать собственные идеи и способности); MBC I – с показателями *Безопасность – Личная* (безопасность непосредственного окружения), *Конформизм – Правила* (соблюдение правил, законов и формальных обязательств); МПyC I – с показателями *Достижения* (достижение успеха в соответствии с социальными стандартами, нормами), *Власть – Ресурсы* (влияние посредством

Табл. 8. Корреляции I-шкал опросников СОРБЦ и PVQ-R Ш. Шварца в группе респондентов (N=346)

Tab. 8. Correlation coefficients for I-subscales in SEBVR technique and subscales of PVQ-R (N=346)

Показатели методики СОРБЦ / Показатели методики PVQ-R	МПpC I	МПyC I	MBC I	МЭC I
Самостоятельность – Поступки	0,197***	0,249***	0,055	0,345***
Самостоятельность – Мысли	0,118*	0,202***	0,164**	0,371***
Достижения	0,308***	0,456***	0,304***	0,319***
Власть – Ресурсы	0,392***	0,427***	0,131*	0,222***
Власть – Доминирование	0,191***	0,422***	0,034	0,189***
Репутация	0,247***	0,218***	0,317***	0,246***
Безопасность – Общественная	0,310***	0,226***	0,300***	0,232***
Безопасность – Личная	0,296***	0,232***	0,558***	0,302***
Конформизм – Правила	0,212***	0,231***	0,319***	0,170**
Традиция	0,130	0,125	0,265	0,070

Прим.: отмечены уровни значимости корреляций: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,001$. Полуужирным шрифтом выделены пары корреляций, доминирующих для каждой шкалы опросника СОРБЦ.

Табл. 9. Корреляции R-шкал опросников СОРБЦ и PVQ-R Ш. Шварца в группе респондентов (N=346)

Tab. 9. Correlation coefficients for R-subscales in SEBVR technique and subscales of PVQ-R (N=346)

Показатели методики СОРБЦ / Показатели методики PVQ-R	МПpC R	МПyC R	MBC R	МЭC R
Достижения	0,115*	0,261***	0,160**	0,162**
Власть – Ресурсы	0,126*	0,251***	0,064	0,054
Власть – Доминирование	0,050	0,240***	0,063	0,093
Безопасность – Общественная	0,077	0,155**	0,174**	0,160**
Безопасность – Личная	0,115*	0,250***	0,306***	0,223***
Конформизм – Правила	0,158**	0,168**	0,272***	0,219***
Традиция	0,287***	0,097	0,287***	0,210***

Прим.: отмечены уровни значимости корреляций: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,001$. Полуужирным шрифтом выделены пары корреляций, доминирующих для каждой шкалы опросника СОРБЦ.

контролирования материальных и социальных ресурсов); МПРС I – с показателями *Власть – Ресурсы* (влияние посредством контролирования материальных и социальных ресурсов) и *Безопасность – Общественная* (безопасность и стабильность общества в целом). Для показателей R-шкал методики СОРБЦ также обнаружены значимые корреляции с показателями методики PVQ-R (табл. 9), однако их уровни и структура отличаются от характеристик, приведенных в табл. 8, что может быть связано с отличиями в оценках идеальных ценностей и возможностей их реализации в конкретной социальной среде.

Заключение

Проведенный психометрический анализ методики СОРБЦ для I- и R-показателей позволяет сделать следующие выводы:

1. Ориентируясь на показатели α -Кронбаха и тета-надежности, можно сделать вывод о том, что факторная структура опросника в модели 1 демонстрирует лучшие характеристики, чем в модели 2. Поэтому в дальнейшем

в исследованиях с использованием методики СОРБЦ желательно ориентироваться на данную модель, которая предполагает наличие 4 пунктов в 1 шкале, 6 пунктов – во 2 шкале, 4 пунктов – в 3 шкале, 6 первичных пунктов – в 4 шкале.

2. Методика СОРБЦ обладает дискриминативностью по отношению выявления различий в ценностных характеристиках представителей различных социальных групп, в частности женщин и мужчин.

3. Проведенный психометрический анализ методики СОРБЦ позволяет сделать заключение о том, что данная методика обладает приемлемыми психометрическими показателями и может использоваться для диагностики особенностей ценностной сферы лиц в возрасте 17–29 лет.

4. Для дальнейшего расширения диагностического потенциала рассматриваемой методики желательно провести оценку ее ре-тестовой надежности, конфирматорный факторный анализ, позволяющий уточнить ее структурные особенности и выявить возможности ее применения в других возрастных группах.

Литература

1. Ключко В. Е. Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме трансспективного анализа // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред. В. В. Знаков, Г. В. Залевский. М.: ИП РАН, 2008. С. 41–61.
2. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с.
3. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1979. 264 с.
4. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 510 с.
5. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
6. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 270 с.
7. Каширский Д. В. Субъективные ценности современной молодежи. Барнаул: Изд-во ААЭП, 2012. 224 с.
8. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: ИП РАН, 2006. 334 с.
9. Олпорт Г. Личность в психологии. М.: КСП+, 1998. 345 с.
10. Rokeach M. The nature of human values. N. Y.: Free Press, 1973. 438 p.
11. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. 3rd ed. N. Y.: McGraw-Hill, 2010. 561 p.
12. Schwartz S. H. Basic individual values: sources and consequences // Handbook of value / eds. D. Sander, T. Brosch. Oxford, UK: Oxford University Press, 2015. P. 63–84. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198716600.003.0004
13. Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
14. Guo Q., Liu Z., Li X., Qiao X. Indulgence and long term orientation influence prosocial behavior at National level // Front. Psychol. 2018. Vol. 9. Art. 1798. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01798
15. Iyengar S. S., Lepper M. R. Rethinking the value of choice: a cultural perspective on intrinsic motivation // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76. № 3. P. 349–366. DOI: 10.1037//0022-3514.76.3.349
16. Hu X., Leung F. K. S., Teng Y. The influence of culture on students' mathematics achievement across 51 countries // International Journal of Science and Mathematics Education. 2018. Vol. 16. Suppl 1. P. 7–24.
17. Gunkel M., Schlaegel C., Taras V. Cultural values, emotional intelligence, and conflict handling styles: a global study // Journal of World Business. 2016. Vol. 51. № 4. P. 568–585. DOI: 10.1016/j.jwb.2016.02.001
18. Sheldon K. M., Krieger L. Does law school undermine law students? Examining changes in goals, values, and wellbeing // Behavioral Sciences & the Law. 2004. Vol. 22. № 2. P. 261–286. DOI: 10.1002/bsl.582

19. Kim S., McLean G. N. The impact of national culture on informal learning in the workplace // *Adult Education Quarterly*. 2014. Vol. 64. № 1. P. 39–59. DOI: 10.1177/0741713613504125
20. Leach-Lypez M. A., Jack E. P. Hofstede's values – LOC: Job satisfaction effect in USA, Mexico, Korea, Hong Kong // *Journal of International Business & Cultural Studies*. 2014. Vol. 8. Режим доступа: <http://www.aabri.com/manuscripts/121237.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).
21. Bergmuller S. The relationship between cultural individualism–collectivism and student aggression across 62 countries // *Aggressive behavior*. 2013. Vol. 39. № 3. P. 182–200. DOI: 10.1002/ab.21472
22. Ismail M., Lu H. S. Cultural values and career goals of the millennial generation: an integrated conceptual framework // *The Journal of International Management Studies*. 2014. Vol. 9. № 1. P. 38–49.
23. Nitu B. G., Rajaram G., Kar S. Emotional intelligence and psychic distance: impact on the internationalization decisions of SMEs // *IOSR Journal of Business and Management (IOSR-JBM)*. 2016. Vol. 18. № 11. P. 13–24. DOI: 10.9790/487X-1811071324
24. Binder C. C. Redistribution and the Individualism–Collectivism dimension of culture // *Social Indicators Research*. 2019. Vol. 142. № 3. P. 1175–1192. DOI: 10.1007/s11205-018-1964-6
25. Алексеева О. С., Ржанова И. Е. Ценности и их связь с базовыми чертами личности // *Психологические исследования*. 2019. Т. 12. № 63. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2019v12n63/1677-alekseeva63.html> (дата обращения: 09.06.2020).
26. Бабенко А. Н. Дуализм ценностных оснований правового поведения личности // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. 2016. Т. 16. № 2. С. 13–18. DOI: 10.14529/law160202
27. Галажинский Э. В. Проблема уровней самореализации человека: ценностно-смысловой контекст // *Ценностные основания психологической науки и психология ценностей* / отв. ред. В. В. Знаков, Г. В. Залевский. М.: ИП РАН, С. 123–147.
28. Каширский Д. В. Субъективные ценности подростков с делинквентным поведением // *Психологические исследования*. 2013. Т. 6. № 32. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/910-kashirsky32.html> (дата обращения: 10.06.2020).
29. Латова Н. В. Производственная культура рабочих современной России как элемент их человеческого капитала (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // *Мир России. Социология. Этнология*. 2017. Т. 26. № 3. С. 36–63. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-36-63
30. Назаров Н. В. Ценностный потенциал интерактивного взаимодействия студентов // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2011. № 2. С. 243–247.
31. Петровичев В. М. Процесс профессиональной адаптации молодых специалистов как объект научного исследования // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2012. № 1-1. С. 43–52.
32. Пряжников Н. С., Молчанов С. В., Кирсанов К. А. Морально-ценностные основания процесса профессионального самоопределения в подростковом возрасте // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11. № 62. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1643-pryaznikov62.html> (дата обращения: 09.06.2020).
33. Татарко А. Н. Ценности россиян и интегральная угроза в межэтнических отношениях // *Вопросы психологии*. 2018. № 4. С. 110–120.
34. Тихомандрицкая О. А., Малышева Н. Г., Шаехов З. Д., Кабальнов Н. А. Роль личностных ценностей в психологическом благополучии современных старшеклассников // *Психологические исследования*. 2019. Т. 12. № 63. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2019v12n63/1675-tikhomandritskaya63.html> (дата обращения: 09.06.2020).
35. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.
36. Яремчук С. В. Субъективное благополучие как компонент ценностно-смысловой сферы личности // *Психологический журнал*. 2013. Т. 34. № 5. С. 85–95.
37. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. 7-е изд., междунар. СПб.: Питер, 2001. 686 с.
38. Rokeach M. Beliefs, attitudes, and values: a theory of organization and change. San Francisco: Jossey-Bass, 1968. 214 p.
39. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M., Vinken H. Values Survey Module 2008 Manual. 2008. Режим доступа: https://nanopdf.com/download/v-s-m-94-geert-hofstede_pdf (дата обращения: 09.06.2020).
40. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
41. Сопов В. Ф., Карпушина Л. В. Морфологический тест жизненных ценностей: руководство по применению. Самара: Изд-во САМИКП – СНЦ РАН, 2002. 56 с.
42. Бубнова С. С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности // *Методы психологической диагностики* / отв. ред. А. Н. Воронин. М.: ИП РАН, 1994. Вып. 2. С. 144–157.
43. Капцов А. В., Карпушина Л. В. Тест личностных ценностей: Руководство по применению. 3-е изд., доп. Самара: ИПК «Содружество», 2010. 40 с.

44. Мотков О. И. Методика изучения внешних и внутренних ценностей личности // Журнал Психологического общества им. Л. С. Выготского. 2009. № 1. С. 81–92.
45. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей. Ярославль: Психодиагностика; Содействие, 1991. 20 с.
46. Affum-Osei E., Aboagye M. O., Antwi C. O., Asante E. A. Validating the Auckland Individualism–Collectivism Scale (AICS): testing factor structure and measurement invariance in Hong Kong and Ghanaian samples // Psychological Studies. 2019. Vol. 64. № 2. P. 187–199. DOI: 10.1007/s12646-019-00494-2
47. Blodgett J. G., Bakir A., Rose G. M. A test of the validity of Hofstede's cultural framework // Journal of Consumer Marketing. 2008. Vol. 25. № 6. P. 339–349. DOI: 10.1108/07363760810902477
48. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 72 с.
49. Богомаз С. А., Мацута В. В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67–75.
50. Богомаз С. А., Атаманова И. В. Анализ ценностей современной молодежи в контексте психологической системы деятельности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: ИП РАН, 2018. С. 431–438.
51. Капцов А. В., Колесникова Е. И. Методические аспекты использования психометрических тестов в дипломном проектировании // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2011. № 1. С. 168–181.
52. Stöber J., Dette D. E., Musch J. Comparing continuous and dichotomous scoring of the balanced inventory of desirable responding // Journal of Personality Assessment. 2002. Vol. 78. № 2. P. 370–389. DOI: 10.1207/S15327752JPA7802_10

original article

Examining the Psychometric Characteristics of the Subjective Evaluation of Basic Values Realizability (SEBVR) Technique Designed for Value Orientation Studies*

Igor A. Filenko ^{a, @, ID1}; Inna V. Atamanova ^{a, ID2}; Sergey A. Bogomaz ^{a, ID3}

^a Tomsk State University, Russia, Tomsk

@ filen5725@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0001-7072-8273>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-8101-5586>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-8955-5621>

Received 12.10.2020. Accepted 02.11.2020.

Abstract: The article addresses the issues associated with increasing the reliability of research tools for value orientation studies. Despite the high demand, their methodology requires qualitative improvement. The research objective was to determine the psychometric characteristics of the Subjective Evaluation of Basic Values Realizability (SEBVR) technique. The study was based on the SEBVR technique and the Portrait Values Questionnaire-Revised (PVQ-R) by Schwartz. The data processing included factor analysis, correlation analysis, reliability analysis, the Kolmogorov-Smirnov test, and the Mann-Whitney U-test. The analysis involved 1,415 respondents aged 17–29. The authors clarified the factor structure of the SEBVR technique as represented by four scales. They evaluated the reliability characteristics of the internal consistency of the scales, their construct validity, and descriptive statistics for the main SEBVR indicators. The technique proved efficient in identifying differences between male and female respondents. According to its psychometric characteristics, the SEBVR technique appeared to be a fairly reliable research tool, which makes it possible to expand the possibilities of its use in applied research related to exploring young adults' value orientations in the age group of 17–29 years.

Keywords: metavalues, basic values realizability, factor analysis, Cronbach's alpha, test scale reliability, construct validity

For citation: Filenko I. A., Atamanova I. V., Bogomaz S. A. Examining the Psychometric Characteristics of the Subjective Evaluation of Basic Values Realizability (SEBVR) Technique Designed for Value Orientation Studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 1028–1039. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1028-1039>

* The article was prepared as part of research project No. 18-013-00781a "Value orientations and the psychological system of activity of youth in the changing world: A cross-cultural analysis", financially supported by the Russian Foundation for Basic Research.

References

1. Klochko B. E. Regularities of the movement of psychological cognition: the problem of values and meaning in the prism of trans-perspective analysis. *The value foundations of psychological science and the psychology of values*, ed. Znakov V. V., Zalevsky G. V. Moscow: IP RAN, 2008, 41–61. (In Russ.)
2. Klochko V. E. *Self-organization in psychological systems: problems of emergence of the mental space of a person (introduction into the transpective analysis)*. Tomsk: TGU, 2005, 174. (In Russ.)
3. *Self-regulation and prediction of social behavior of the individual*, ed. Yadova V. A. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1979, 264. (In Russ.)
4. Leontiev D. A. *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality*, 3rd ed. Moscow: Smysl, 2007, 510. (In Russ.)
5. Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
6. Seryy A. V. *System of personal meanings: structure, functions, dynamics*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 270. (In Russ.)
7. Kashirskiy D. V. *Subjective values of modern youth*. Barnaul: Izd-vo AAEP, 2012, 224. (In Russ.)
8. Zhuravleva N. A. *The dynamics of value orientations of a person in Russian society*. Moscow: IP RAN, 2006, 334. (In Russ.)
9. Allport G. *The person in psychology*. Moscow: KSP+, 1998, 345. (In Russ.)
10. Rokeach M. *The nature of human values*. N. Y.: Free Press, 1973, 438.
11. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the mind*, 3rd ed. N. Y.: McGraw-Hill, 2010, 561.
12. Schwartz S. H. Basic individual values: sources and consequences. *Handbook of value*, eds. Sander D., Brosch T. Oxford, UK: Oxford University Press, 2015, 63–84. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198716600.003.0004
13. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, 344.
14. Guo Q., Liu Z., Li X., Qiao X. Indulgence and long term orientation influence prosocial behavior at National level. *Front. Psychol.*, 2018, 9: 1798. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01798
15. Iyengar S. S., Lepper M. R. Rethinking the value of choice: a cultural perspective on intrinsic motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, 76(3): 349–366. DOI: 10.1037//0022-3514.76.3.349
16. Hu X., Leung F. K. S., Teng Y. The influence of culture on students' mathematics achievement across 51 countries. *International Journal of Science and Mathematics Education*, 2018, 16, suppl 1, 7–24.
17. Gunkel M., Schlaegel C., Taras V. Cultural values, emotional intelligence, and conflict handling styles: a global study. *Journal of World Business*, 2016, 51(4): 568–585. DOI: 10.1016/j.jwb.2016.02.001
18. Sheldon K. M., Krieger L. Does law school undermine law students? Examining changes in goals, values, and wellbeing. *Behavioral Sciences & the Law*, 2004, 22(2): 261–286. DOI: 10.1002/bsl.582
19. Kim S., McLean G. N. The impact of national culture on informal learning in the workplace. *Adult Education Quarterly*, 2014, 64(1): 39–59. DOI: 10.1177/0741713613504125
20. Leach-Lypez M. A., Jack E. P. Hofstede's values – LOC: Job satisfaction effect in USA, Mexico, Korea, Hong Kong. *Journal of International Business & Cultural Studies*, 2014, 8. Available at: <http://www.aabri.com/manuscripts/121237.pdf> (accessed 10.06.2020).
21. Bergmuller S. The relationship between cultural individualism–collectivism and student aggression across 62 countries. *Aggressive behavior*, 2013, 39(3): 182–200. DOI: 10.1002/ab.21472
22. Ismail M., Lu H. S. Cultural values and career goals of the millennial generation: an integrated conceptual framework. *The Journal of International Management Studies*, 2014, 9(1): 38–49.
23. Nitu B. G., Rajaram G., Kar S. Emotional intelligence and psychic distance: impact on the internationalization decisions of SMEs. *IOSR Journal of Business and Management (IOSR-JBM)*, 2016, 18(11): 13–24. DOI: 10.9790/487X-1811071324
24. Binder C. C. Redistribution and the Individualism–Collectivism dimension of culture. *Social Indicators Research*, 2019, 142(3): 1175–1192. DOI: 10.1007/s11205-018-1964-6
25. Alekseeva O. S., Rzhanova I. E. Relationships between values and personality traits. *Psihologicheskie Issledovaniya*, 2019, 12(63). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2019v12n63/1677-alekseeva63.html> (accessed 09.06.2020). (In Russ.)
26. Babenko A. N. Dualism of value grounds for legal behaviour. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2016, 16(2): 13–18. (In Russ.) DOI: 10.14529/law160202
27. Galazhinsky E. V. The problem of levels of human self-realization: value-semantic context. *The value foundations of psychological science and the psychology of values*, ed. Znakov V. V., Zalevsky G. V. Moscow: IP RAN, 2008, 123–147. (In Russ.)
28. Kashirskiy D. V. Subjective value in adolescents with delinquent behavior. *Psihologicheskie Issledovaniya*, 2013, 6(32). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/910-kashirsky32.html> (accessed 10.06.2020). (In Russ.)

29. Latova N. V. The industrial culture of modern Russian workers as an element of their human capital: an ethnometric analysis using Hofstede's model. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2017, 26(3): 36–63. (In Russ.) DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-36-63
30. Nazarov N. V. Value potential of students' interactive interaction. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (2): 243–247. (In Russ.)
31. Petrovichev V. M. Problem of the process of professional adaptation of the young specialists as the object of the scientific research. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, (1-1): 43–52. (In Russ.)
32. Pryazhnikov N. S., Molchanov S. V., Kirsanov K. A. Moral and value bases of the process of professional self-determination in adolescence. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2018, 11(62). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1643-pryazhnikov62.html> (accessed 09.06.2020). (In Russ.)
33. Tatarko A. N. Values of Russians and integral threat in inter-ethnic relations. *Voprosy psikhologii*, 2018, (4): 110–120. (In Russ.)
34. Tikhomandritskaya O. A., Malysheva N. G., Shaekhov Z. D., Kabalnov N. A. The role of personal values in the psychological well-being of modern high school students. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2019, 12(63). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2019v12n63/1675-tikhomandritskaya63.html> (accessed 09.06.2020). (In Russ.)
35. Yanitskiy M. S. *Value orientations of a person as a dynamic system*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000, 204. (In Russ.)
36. Yaremchuk S. V. Subjective well-being as a part of self-regulation system based on personal values. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2013, 34(5): 85–95. (In Russ.)
37. Anastasi A., Urbina S. *Psychological testing*, 7th ed. St. Petersburg: Piter, 2001, 686. (In Russ.)
38. Rokeach M. *Beliefs, attitudes, and values: a theory of organization and change*. San Francisco: Jossey-Bass, 1968, 214.
39. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M., Vinken H. *Values Survey Module 2008 Manual*. 2008. Available at: https://nanopdf.com/download/v-s-m-94-geert-hofstede_pdf (accessed 09.06.2020).
40. Schwartz S., Butenko T. P., Sedova D. S., Lipatova A. S. Theory of basic personal values: validation in Russia. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2012, 9(2): 43–70. (In Russ.)
41. Sopov V. F., Karpushina L. V. *Life values morphological test: application guide*. Samara: Izd-vo SamIKP – SNTs RAN, 2002, 56. (In Russ.)
42. Bubnova S. S. Methodology for the diagnosis of the individual structure of the value orientations of the individual. *Methods of psychological diagnostics*, ed. Voronin A. N. Moscow: IP RAN, 1994, iss. 2, 144–157. (In Russ.)
43. Kaptsov A. V., Karpushina L. V. *Personal values test: application guide*, 3rd ed. Samara: IPK "Sodruzhestvo", 2010, 40. (In Russ.)
44. Motkov O. I. Methods for studying the external and internal values of a person. *Zhurnal Psikhologicheskogo obshchestva im. L. S. Vygotskogo*, 2009, (1): 81–92. (In Russ.)
45. Senin I. G. *Terminal values questionnaire*. Yaroslavl: Psikhodiagnostika; Sodeistvie, 1991, 20. (In Russ.)
46. Affum-Osei E., Aboagye M. O., Antwi C. O., Asante E. A. Validating the Auckland Individualism–Collectivism Scale (AICS): testing factor structure and measurement invariance in Hong Kong and Ghanaian samples. *Psychological Studies*, 2019, 64(2): 187–199. DOI: 10.1007/s12646-019-00494-2
47. Blodgett J. G., Bakir A., Rose G. M. A test of the validity of Hofstede's cultural framework. *Journal of Consumer Marketing*, 2008, 25(6): 339–349. DOI: 10.1108/07363760810902477
48. Karandashev V. N. *Schwartz methodology for the study of personality values: concept and methodological guidance*. St. Petersburg: Rech, 2004, 72. (In Russ.)
49. Bogomaz S. A., Matsuta V. V. Subjective evaluation of basic value's realizability in urban environment. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*, 2012, (46): 67–75. (In Russ.)
50. Bogomaz S. A., Atamanova I. V. Analysis of the modern youth values in the context of their psychological system of activity. *Human psychology as a subject of knowledge, communication, and activity*, eds. Znakov V. V., Zhuravlev A. L. Moscow: IP RAN, 2018, 431–438. (In Russ.)
51. Kaptsov A. V., Kolesnikova E. I. The methodical aspects of use of psychometric tests in degree designing. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya "Psixologiya"*, 2011, (1): 168–181. (In Russ.)
52. Stöber J., Dette D. E., Musch J. Comparing continuous and dichotomous scoring of the balanced inventory of desirable responding. *Journal of Personality Assessment*, 2002, 78(2): 370–389. DOI: 10.1207/S15327752JPA7802_10